

«ОТЦЫ» И «ДЕДЫ» В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Грандиозные события Отечественной войны 1812 года сыграли судьбоносную роль в развитии истории и культуры России и не только привели патриотическую дворянскую молодежь на Сенатскую площадь, но и разнеслись громким эхом по всему веку. Русская литература кризисного времени 1860-х годов, когда вся передовая общественность сосредоточилась на решении общенациональных вопросов, неслучайно обращает свой взор к событиям отечественной войны и последующих десятилетий. «Гроза 1812 года» входила на страницы произведений шестидесятых годов чаще не в качестве непосредственного объекта изображения (как в «Войне и мире» Л.Н. Толстого), а в виде ассоциативного фона, благодаря чему осмысление современной действительности выводило читателя к решению глобальных вопросов культурно-исторического развития России. Так, по наблюдениям Н. Подосокорского, «наполеоновская тема» в произведениях Ф.М. Достоевского «неразрывно связана с темой войны 1812 года, которая, в свою очередь, символизировала для писателя поистине народное единство и самопожертвование»¹.

Ассоциативный фон «Отцов и детей» И.С. Тургенева включает в себя немало сигналов, втягивающих в романский хронотоп эпоху героического прошлого России начала XIX века². Это позволяет увидеть в тургеневском романе не только столкновение настоящего и прошлого, но и общность устремлений «отцов» и «детей». При этом эпоха великих свершений начала века значительно расширяет границы темы взаимоотношения поколений: «дети» – «отцы» – «деды».

Героическая эпоха вводится Тургеньевым с первой страницы романа. Из предыстории читатель узнает, что отец братьев Кирсановых – «боевой генерал 1812 года <...> всю жизнь свою тянул лямку, командовал бригадой, потом дивизией» (7)³. Петр Кирсанов, по всей вероятности, не входил в число передовых представителей своего времени. Василий Иванович Базаров, знавший его не понаслышке, признает: «Конечно, генерал Кирсанов не принадлежал к числу...», но в то же время замечает – «очень почтенный был человек, настоящий военный» (110). Примечательно, что этот «настоящий военный», «уволненный в отставку за неудачный смотр» в 1835 году (Николай I, как известно, больше интересовался внешней стороной военного дела – парады, маневры, муштра), так и не смог вжиться в пустое светское существование николаевской Рос-

сии: «Он нанял было дом у Таврического сада и записался в английский клуб, но внезапно умер от удара». Вскоре «за ним последовала» и жена, Агафоклея Кузьминична, принадлежавшая к числу «матушек-командирш», – «она не могла привыкнуть к глухой столичной жизни; тоска отставного существования ее загрызла» (8).

Память о боевом прошлом Петра Кирсанова сохранилась и в некоторых приметах быта кирсановской усадьбы. Это «стулья с задками в виде лир» в уютной комнатке Фенечки, которые «были куплены еще покойником генералом в Польше во время похода». Еще более значимы фотографии на стене комнаты: рядом с явно «неудавшимися», «плохими» фотографиями Николая Петровича и Фенечки («какое-то безглазое лицо напряженно улыбалось в темной рамочке») обращает на себя внимание хорошо выполненное (судя по различимым подробностям) другое изображение, хотя и несколько затерявшееся среди бытовых мелочей, – «Ермолов, в бурке, грозно хмурился на отдаленные Кавказские горы из-под шелкового башмачка для булавки, падавшего ему на самый лоб» (37). Появление портрета А.П. Ермолова в кирсановском доме неслучайно. Очевидно, генерал Кирсанов служил под началом этого прославленного военачальника в южной армии. Доказательство тому и тот факт, что оба сына Петра Кирсанова – Павел и Николай – родились «на юге России» (7).

Еще более многочисленные подробности прошлого «отцов» открываются читателю из рассказов отставного штаб-лекаря Базарова. Боевое прошлое навсегда отпечаталось в облике Василия Ивановича: он одет «в старый военный сюртук нараспашку», «стоял, растопырив ноги, курил длинную трубку», при знакомстве с дворянином Аркадием по военной привычке «шаркнул слегка ногой» (105), как перед старшим по званию. Привычка к походной жизни внесла свои коррективы и в мирное существование четы Базаровых: «у меня здесь все по простоте, на военную ногу» (106); «живем <...> на бивуаках»; в застолье хозяин может «разом, по-военному» «хлопнуть» свой бокал за здоровье «неоцененных посетителей» (112); приветствует Аркадия – «Здравия желаем!», и прощается, «прикладывая по-военному руку к засаленной ермолке» (114-115). То и дело Василий Иванович вспоминает свою «военную бивуачную жизнь, перевязочные пункты <...> где-нибудь этак возле стога, и то еще слава богу» (124).

Неожиданностью для читателя становится то, что Василий Иванович служил под началом Петра Кирсанова, а значит все в той же ермоловской южной армии. Отставной штаб-лекарь признается Аркадию: «Я у вашего дедушки в бригаде служил». И во время этой службы он «много» «на своем веку видал видов». Отец Базарова гордится тем, что у самих «князя Витгенштейна и у Жуковского пульс щупал!» (110). В глазах лекаря эти две фигуры равновелики, и знакомство с ними для него, разночинца, почетно в одинаковой степени (а возможно, лич-

¹ Подосокорский Н. 1812 год и наполеоновский миф в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вопросы литературы. – 2011. – № 6. <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/6/po3.html>

² Некоторые детали исторического прошлого в ряду прочих в произведении уже были замечены И.В. Грачевой в статье: Роль художественной детали в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская словесность. – 2002. – № 1. – С. 30-35.

³ Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 7. – М.: Наука, 1981. Здесь и далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках.

ность князя для него даже более значима). Но в контексте тургеневского романа важнее, конечно, образ поэта В.А. Жуковского (как известно, вступившего в ополчение в 1812 году), и прежде всего как автора написанного в лагере под Тарутином «Певца во стане русских воинов», где война с Наполеоном рассматривается не как защита престола, а как борьба за свободу («Еще удар – и всей земле свобода...»). Благодаря образу Жуковского в сознании многих читателей, современников Тургенева, всплывали фигуры не только Кутузова, но и многих других героев отечественной войны, восхваляемых в «Певце...», в том числе и Ермолова.

Еще большее значение отец Базарова придает тому, что он «тех-то, в южной-то армии, по четырнадцатому, вы понимаете (и тут Василий Иванович значительно сжал губы), всех знал наперечет» (110). Речь идет о декабристах, многие из которых служили в разное время на Кавказе под начальством генерала Ермолова, сочувствовавшего их взглядам (А.А. Авенариус, П.Г. Каховский, Е.Е. Лачинов, А.И. Якубович, В.К. Кюхельбекер, П.М. Устимович, П.А. Муханов, Г.И. Копылов и другие). Позже Ермолов был в близких отношениях со многими декабристами, в том числе с К.Ф. Рылеевым, С.Г. Волконским, М.Ф. Орловым⁴. Ближайшим другом Ермолова был и А.С. Грибоедов, тесно связанный с декабристами. О службе Василия Ивановича в южной армии свидетельствует еще одно воспоминание – «любопытный эпизод чумы в Бессарабии», за который штаб-лекарь «получил Владимира» (124).

В доме Базаровых мы обнаруживаем не только развешанные на стенах кабинета Василия Ивановича «военные ружья, нагайки, саблю, две ландкарты» и «диплом под стеклом», но и портреты Христофа Гуфеланда (выдающегося врача, отличавшегося прогрессивными взглядами, благородством и редкой добротой в обращении с больными) и А.В. Суворова, который находится в гостиной, вероятно, со времен деда Евгения по линии матери, построившего этот дом. Дед был, как небрежно замечает внук, «секунд-майор какой-то»: «При Суворове служил и все рассказывал о переходе через Альпы. Врал, должно быть» (118). Между прочим, чин «какого-то» секунд-майора гвардии соответствовал гражданскому чину коллежского советника. Упоминаемый военный чин был упразднен в 1798 г. В связи с этим интересно наблюдение И.В. Грачевой, которая отмечает, что, несмотря на внешнее пренебрежение ниглиста к дворянской родне, «уже то, что Евгений с детства запомнил и эти рассказы, и довольно редкий, вышедший из военного обихода чин деда ("секунд-майор"), свидетельствует об огромном впечатлении, которое когда-то производили на его душу суворовские истории»⁵.

Образ Суворова, на наш взгляд, в тургеневском романе не только подчеркивает героическое прошлое и убеждения деда Базарова, но и тесно взаимо-

связан с образом Ермолова. Благодаря акценту автора на двух портретах военачальников, которые представляют разные эпохи славных российских побед, возникает еще один уровень осмысления проблемы «отцов» и «детей». Молодым офицером Ермолов начинает служить именно под командованием Суворова и, очевидно, усваивает не только уроки военного искусства великого русского полководца, не потерпевшего ни одного поражения в своей военной карьере (более 60 сражений), но и равняется на личностные качества Суворова-гражданина, сторонника просвещенной монархии, выступавшего против насаждения Павлом I прусских палочных порядков в армии и продолжавшего воспитывать солдат по своему.

Генерал Ермолов, принадлежащий к числу выдающихся военных и государственных деятелей России, подобно своему великому учителю, находился в оппозиции к государственной власти и соответственно в опале, но также всегда был призываем властью в трудную минуту на защиту отечества, также был любим солдатами и офицерами. Императору неоднократно доносили о «пагубном духе вольномыслия и либерализма» в войсках корпуса Ермолова, не остался без внимания и факт благосклонного приема генералом сосланных на Кавказ и разжалованных в рядовые декабристов. Подозрения царя в причастности Ермолова к заговору декабристов стали основной причиной его отставки в 1827 г. «По наговорам, по подозрению в принятии участия в замыслах тайного общества сменили Ермолова», – писал декабрист А.Е. Розен⁶. Отставка Ермолова вызвала большой резонанс в передовых общественных кругах. Тайная агентура доносила, что «войско жалеет Ермолова», «люди (т.е. солдаты) горюют» в связи с его отставкой⁷. Преданность ему солдат и офицеров были велики, что Николай I всерьез опасался возможных волнений в Кавказском корпусе. Фигура генерала Ермолова в тургеневском романе становится воплощением целого поколения передового офицерства.

Благодаря постепенно расширяющемуся ассоциативному фону в романе Тургенева воссоздается атмосфера героического прошлого, когда все русское общество было объединено участием в великом общенациональном деле, когда вопросы бытийного звучания стирали сословные границы и идеологические разногласия. Размывались резкие отличия жизни столичной и провинциальной, куда отхлынула значительная часть московского населения. Общий патриотический подъем, общие мысли о судьбе России сблизили офицеров и солдат: «офицеры увидели в солдатах соучастников в историческом событии»⁸. В этом историческом событии прошлого Тургеневым объединяются военные и гражданское население, великие полководцы и поэты, плечом к плечу

⁶ Цит. по: Федоров В.А. А.П. Ермолов и его «Записки». – С. 18.

⁷ Там же.

⁸ Лотман Ю.М. Люди 1812 года // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – 2-е изд., доп. – СПб.: Искусство-СПб, 1999. С. 319.

⁴ См. об этом напр.: Федоров В.А. А.П. Ермолов и его «Записки» // Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. – М.: Высш. шк., 1991.

⁵ Грачева И.В. Роль художественной детали в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». – С. 31.

переносят тяготы «бывуачной» жизни представители семейств Кирсановых и Базаровых.

К настоящему времени действия романа (1859 год) эти связи оказались давно утрачены: имени Кирсановых и Базаровых находятся не очень далеко друг от друга, но фамилия приятеля Аркадия связывается Павлом Петровичем лишь с прошлым отца: «...помнится, в батюшкиной дивизии был лекарь Базаров...» (24). Если Василий Иванович сохраняет память о героическом прошлом России, то братья Кирсановы, молодость которых принадлежит времени 30–40-х гг., уже несколько отдалены от него. Поэтому портрет опального генерала Ермолова висит лишь в Фенечкиной комнатке, а стиль ампир, угадывающийся в интерьере барского дома, – скорее дань моде.

Так, опредмеченные отзвуки эпохи начала века находим в «изыщном» кабинете Павла Петровича: «развешанное оружие на пестром персидском ковре», «ореховая мебель, обитая темно-зеленым трипом», «библиотека в стиле renaissance из старого черного дуба», «бронзовые статуэтки на великолепном письменном столе» (40). В стиле ампир выдержан и выстроенный в усадьбе Анны Сергеевны покойным Одинцовым дом («выкрашен желтою краской», «белые колонны», «фронтон с гербом»), и «желтая каменная церковь» – с «белыми колоннами и живописью *al fresco* над главным входом, представлявшею "Воскресение Христово" в "итальянском" вкусе. Особенно замечателен своими округленными контурами был распростертый на первом плане смуглый воин в шишаке» (75). Принадлежащая старухе княжне «чашка с раскрашенным гербом» (80) говорит о том, что в интерьере дома Одинцовой также можно найти немало ампирических примет.

Обращение Тургенева к одной из главных художественных тенденций начала века углубляет представление читателя о романном конфликте. Стиль ампир, охвативший все сферы русской культуры Александровского времени, отражал дух русской нации (спасительницы Европы), полной надежд на будущее, воодушевленной идеей величия империи и свободного служения Отечеству, а сейчас стал просто модой. Тургенев все чаще указывает на близость предреформенного времени романа другим сторонам жизни Александровской эпохи. Например, «остаток преданий Александровского времени» сказывался в «причуде» Павла Петровича говорить «эфтим» и «эфто»: «Тогдашние тузы <...> употребляли, одни – *эфто*, другие – *это*: мы, мол, коренные русаки, и в то же время мы вельможи, которым позволяется пренебрегать школьными правилами» (47). Как известно, Матвей Ильич Колязин «недалеко ушел» от «государственных мужей Александровского времени <...> Он был ловкий придворный, большой хитрец и больше ничего; в делах толку не знал, ума не имел, а умел вести свои собственные дела...», в «важных случаях» умел «задать пыли» (58).

В романе представители поколения «отцов» зачастую называются «стариками». Действительно, в мае 1859 года мы видим Николая Петровича «уже совсем седого, пухленького и немного сгорбленного» (10). А ведь ему всего сорок четыре года! Павел Петрович, чуть старше своего брата, но тоже уже

много лет назад «состарился и поседел» (32). В чем причина такой преждевременной старости героев? Автор не дает подробных объяснений, но эти объяснения скрыты в рассыпанных по всему роману деталях и подробностях.

Читатель знает, что Николай Петрович после смерти жены, «после продолжительного бездействия занялся хозяйственными преобразованиями» (10). Но «ферма», по его собственному признанию, разваливается: «– Хлопоты у меня большие с мужиками в нынешнем году. Не платят оброка. Что ты будешь делать?»; в наемных работниках «настоящего старания все еще нету. Сбрую портят», вольноотпущенным нельзя поручать «никаких должностей, где есть ответственность» (13). И Базаров не мог не заметить: «Скот плохой, и лошади разбитые. Строения тоже подгуляли, и работники смотрят отъявленными ленивцами; управляющий либо дурак, либо плут...» (43). В итоге, недавно «заведенное на новый лад хозяйство скрипело, как немазаное колесо, трещало, как домоделанная мебель из сырого дерева» (35).

Павел Петрович в молодости, как известно, был видным офицером: он «славился смелостию и ловкостию», его «носили на руках», женщины «от него с ума сходили», мужчины «втайне завидовали ему», «блестящая карьера ожидала его» (30). Причина внезапного ухода Павла Кирсанова в отставку, «несмотря на просьбы приятелей, на увещания начальников», как и «бесплодно, бесцветно и быстро, страшно быстро» пробежавших последующих лет (32), как правило, виделась литературоведам лишь в трагической истории любви героя к княгине Р. На наш взгляд, апатия и тоска Павла Петровича объясняется и другим. Ведь он совсем не жалеет, что не сделал карьеры. Автор мимоходом замечает, что уже в молодости Павел был «насмешлив и как-то забавно желчен» (30). Показательна и реакция героя на карьерный рост родственника-ровесника Матвея Калязина: «И велика важность, тайный советник! Если б я продолжал служить, тянуть эту глупую лямку, я бы теперь был генерал-адъютантом» (46). Очевидно, отказ «светского льва» от карьеры объясняется не только любовной драмой, но и его разочарованием в офицерской службе Николаевского времени, нежеланием тянуть «глупую лямку». Драматичность судьбы героя подчеркнута автором и при помощи выше описанного кабинета, где на фоне ампирического интерьера Павел Петрович в тоске бросается на диван и лежит «неподвижен, почти с отчаянием глядя в потолок» (40).

Судьбы братьев Кирсановых, несмотря на очевидные внешние различия (штатская стезя одного и военная карьера другого, тихое семейное счастье одного и бурная холостяцкая жизнь другого), оказываются удивительно схожи, звуча в унисон с драматическими событиями в жизни России: в 1848 году «Николай Петрович потерял жену, Павел Петрович потерял свои воспоминания», получив известие о смерти княгини Р. вместе с возвращенным кольцом, где по сфинксу была проведена крестообразная черта (32). С этого момента старший брат окончательно поселяется в доме младшего. Пути Николая и Павла лишь на время разошлись, но в итоге сошлись в главном – нереализованность личности, несоответствие

жизни высоким идеалам, почерпнутым одним во время офицерской службы, а другим – в период учебы в университете (откуда Николай вышел кандидатом).

В романе «отцы», так или иначе, оказываются на периферии жизни, поэтому все чаще в их адрес звучит определение – «отставные». Василий Иванович называет себя «отставным ветераном» (107) и хоть старается «не отстать от века» (109), но уже давно отстал от него. Видя безуспешные хозяйственные «преобразования» Николая Петровича, Базаров понимает, что «он человек отставной, его песенка спета». И сидя в кабинете Павла (в том самом, ампирином), Николай грустно иронизирует: «...мы с тобой в отставные люди попали <...>, песенка наша спета» (45). После известного «боя» «за вечерним чаем», отправляясь в сад, Николай не просто переживает семейную драму взаимоотношения поколений («свое разъединение с сыном»), но и по-своему пытается ответить на вопрос, кто же все-таки прав в историческом споре: «...они дальше от истины, нежели мы, а в то же время я чувствую, что за ними есть что-то, чего мы не имеем, какое-то преимущество над нами... Молодость? Нет: не одна только молодость» (54).

Базаров дает точную оценку состояния человека предреформенной эпохи: «...кажется чего лучше? Ешь, пей и знай, что поступаешь самым правильным, самым разумным манером. Ан нет; тоска одолевает» (119). Тоска охватывает почти всех героев. Среди «отцов» она сильнее проявлена в образе Павла Петровича. Всеобщей тоской, душевной усталостью охвачена и Анна Сергеевна: «Я несчастлива оттого... что нет во мне желания, охоты жить», «Я очень устала, я стара, мне кажется, я очень давно живу. <...> Воспоминаний много, а вспомнить нечего, и впереди передо мной – длинная, длинная дорога, а цели нет... Мне и не хочется идти» (92-93).

В отличие от других представителей времени, Базаров чувствует не просто «тоску», а «скуку да злость». Он страдает от переизбытка энергии, поэтому ему «хочется с людьми возиться, хоть ругать их, да возиться с ними» (119). Как известно, Базаров активно подчеркивает радикальность своего демократического сознания, отличного от «либеральных баричей», к которым относит не только «отцов», но и Аркадия: «Ваш брат дворянин дальше благородного кипения дойти не может, а это пустяки. <...> а мы драться хотим. <...> нам других ломать надо!» (169). Но ведь Базаров только наполовину разночинец, а по линии матери все же дворянин. Поэтому читатель все время отмечает и образованность Базарова, далеко выходящую за рамки его естественно-научных интересов (знание философии, литературы), и романтизм, который безуспешно пытается подавить в себе нигилист. Противоречия Базарова имеют глубокие генетические корни – он несет в себе самую кризисную эпоху предреформенного времени, когда столкнулись разные культурные и идеологические системы. Базаров становится живым примером драматической неслиянности различных социально-исторических тенденций, начал, ни от одного из них герой не может отказаться, т.к. живут они не только в голове, а в самой натуре, в плоти и крови человека. Поэтому радикальное устремление нигилиста «других ломать» все время наталкивается на сомнения в целях

своей деятельности, и герой испытывает «самоломание».

Так или иначе, но апатия одних и устремленность к активному деянию других имеет под собой общую почву. Это – представление о долге. Понятие долга лежит в основе всех поступков «отцов». Это и отстаивание «принципов» Павлом Петровичем, и вызов на дуэль, и в конечном итоге благословление брата на брак с Фенечкой: «...пора нам отложить наш долг...» (153). Это, хоть и безуспешные, но искренние стремления Николая Петровича то улучшить жизнь мужиков в своем имении, то «вразумлять» их в роли «мирового посредника». Василий Иванович, сокрушаясь по поводу скорого отъезда сына из дома, все-таки уверен: «Что ж? Прежде всего надо долг исполнять...». Выполнение своего долга перед сыном отец Базарова напрямую связывает с предоставлением свободы: «Главное – свобода; это мое правило... не надо стеснять...» (127). Но ведь и стремление Евгения Базарова к радикальной перестройке мироустройства также продиктовано не личными целями, а чувством долга. А это значит, что старшее поколение, несмотря на все разногласия, смогло передать «детям» главное – представление о долге. Понимание долга перед обществом, народом углубляет противоречия «детей», неразрешимость которых приводит Базарова к смерти. Понимание долга усиливает и трагедию «отцов» в лице Павла Кирсанова, бесплодно доживающего свою жизнь: «его красивая исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца... Да он и был мертвец» (154).

Таким образом, сверхтекстовые отсылки к Отечественной войне и последующим десятилетиям создают в тургеневском романе незримый ареол героической эпохи, в свете идеалов которой оценивается конфликтность другого значимого периода в русской истории – кризисного предреформенного времени. Память о той роли, которую сыграл народ в эпоху борьбы России за национальную независимость, в 1860-е гг. вновь обостряет проблему его дальнейшей судьбы, обостряет «социально-идеологическое противоречие между настоящим и прошлым, между разными социально-идеологическими группами настоящего»⁹. При этом жизнь современного поколения «отцов» драматически не выдерживает сравнения с подвигами «дедов». Наряду с грустно-ироническим описанием душевного состояния Павла Кирсанова («живой мертвец») в финале Тургенев пишет реквием Базарову, единственному, чья титаническая личность (несмотря на ошибки и заблуждения) оказалась равновеликой героям славной эпохи прошлого: «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядя на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (188).

⁹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. литература, 1975. С. 97.